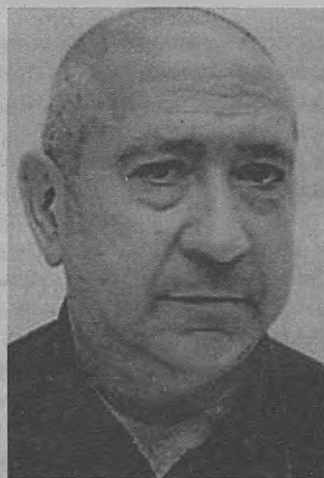
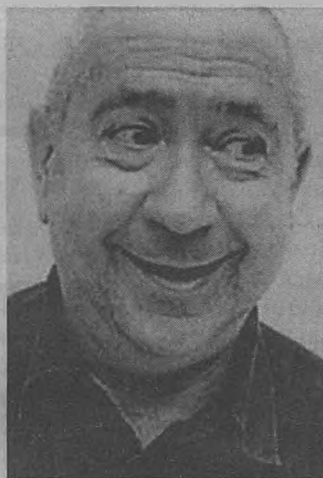
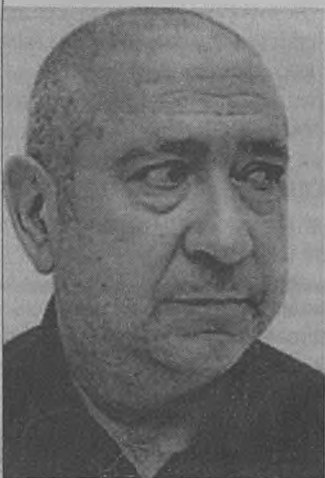

«Я не считаю себя современным художником, я очень традиционен»

Кристиан Болтански — специальный гость Московской биеннале, известный французский художник, вышедший на мировую арт-сцену в 80—90-х годах. Его знаменитые инсталляции — «Тени», «Памятник — Одесса», «Реликварий» — созданы из самых обычных вещей: старой одежды, обуви, фотографий (детей — жертв Холокоста и умерших граждан Швейцарии). На биеннале художник привез инсталляцию «Призраки Одессы», которая расположилась во флигеле-руине и Аптекарском приказе Музея архитектуры. В ней использованы фотографии узников концлагерей и старые пальто. С Кристианом Болтански встретилась **Наталья Володина**.

известия: Вы привезли в Москву инсталляцию «Призрак Одессы», другая ваша работа называется «Памятник — Одесса». Почему вы выбираете именно Одессу, что она для вас?

Кристиан Болтански: Мои родители родом из Одессы. Они все время вспоминали: «Одесса, Одесса». Я слышал и представлял себе что-то, воображал, мечтал. И до сих пор для меня Одесса связана с ощущением чего-то нереального, несуществующего. Одесса — это далекая мечта, греза и в то же время что-то совершенно нереальное.

известия: Ваша Одесса как-то изменилась

с 1991-го, с тех пор как вы ей поставили памятник?

Болтански: Она стала еще призрачнее. Памятник — все-таки что-то материальное. Памятники ставятся обычно на местах захоронений, они должны напоминать о каких-то людях, которые жили. В этой работе даже намек на кого-то нет — просто людей нет и все.

известия: Почему для инсталляций вы выбираете старые фотографии, старые вещи, для создания «Призрака», например, старые пальто?

Болтански: Дело не в том, что пальто старые. Главное, что они ношенные. Сюжет всех моих работ прост: был кто-то, а теперь его нет. Ношенные вещи помогают создать эффект отсутствия — на нем все держится. У ношенной вещи есть всегда едва уловимый запах, оставшийся от ее владельца. Он напоминает, что вчера ее кто-то носил, она кому-то принадлежала, а сегодня вещь осталась, а жив ли хозяин — кто знает. Да и потом, ношенные вещи, как вы понимаете, дешевле. Старые фотографии тоже всегда напоминают об отсутствующем, об умершем. Все это наводит на размышления о том, как мимолетна жизнь.

известия: Вы как-то сказали, что молодые художники хороши потому, что еще очень глупы, а старые хороши потому, что им уже нечего бояться. Но все ваши знаменитые работы созданы в зрелом возрасте.

Болтански: Это признание пришло в зрелом возрасте. Можно сказать, что я получил медаль за доблесть, проявленную в молодости. Так как все это придумано по молодости и глупости. И мое отношение к вопросам, над которыми я начал задумываться в 25—27 лет, мало изменилось с тех пор.

известия: Какую вашу работу вы считаете самой удачной?

Болтански: Скорее всего, следующую.

известия: А какая будет следующая?

Болтански: В Париже сразу после открытия Московской биеннале будет премьера оперы-мюзикла «Ночь среди бела дня», где я числюсь постановщиком. Мне очень нравится, когда смешиваются искусства и устраивается театр-балет и инсталляция-театр. И «Ночь среди бела дня» — не просто опера или мюзикл, скорее акция, так как зритель тоже сможет участвовать в действии. Так, четыре года назад вместе с Ильей Кабаковым в Берлине мы устраивали акцию на территории бывшего советского госпиталя. Зрители могли гулять по парку и слушать музыку — музыка, кстати, тоже помогает создать эффект отсутствия. Люди заходили в небольшие домики госпиталя: в одном пел старый оперный певец, где-то просто играла громкая музыка, другие дома заполнял дым, какие-то домишки были просто заставлены мебелью. Было жутко. А потом мы пытались развить эту идею: у нас был интересный опыт создания иллюзии ада на земле в старом бассейне со спущенной водой. Зрители должны были слушать игру нескольких музыкантов и бродить в полной темноте по бассейну. Многие зрители негодовали, пытались выбраться из помещения. У двоих был нервный срыв, они не выдержали зрелища.

известия: Кто из современных художников вам сегодня интересен?

Болтански: Пина Бауш, конечно же. Она тоже все смешивает. Хотя если обо мне говорить, то я не считаю себя современным художником. Я очень традиционен. Вопросы, которые я поднимаю, извечные — смерти и бренности жизни. Это прогресс идет вперед, а искусство пытается найти ответы на одни и те же вопросы.